

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9—16 августа 1960 г.

ТОМ V

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ XVI—XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Под редакцией

Б. Г. Гафурсва (председатель редакционной коллегии),
И. С. Брагинского, А. А. Губера,
И. М. Дьяконсва (секретарь редакционной коллегии),
И. И. Потехина, С. Л. Тихвинского и С. П. Толстова

СОДЕРЖАНИЕ

Секция XVI. Китаеведение	5
Подсекция истории	5
Подсекция филологии	89
Секция XVII. Корея	234
Секция XVIII. История Монголии	302
Секция XIX. Япония	355
Секция XX. Африканистика	491
Подсекция истории	555
Подсекция филологии	586
Послесловие	620
Список делегатов	621

ТРУДЫ XXV МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА ВОСТОКОВЕДОВ

Т о м V

*Печатается согласно решению
Президиума АН СССР от 19 сентября 1960 г.*

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

1 Типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

О. П. ПЕТРОВА (Ленинград): ЛЕКСИКОН РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЙ

В Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится интересный памятник русской лексикографии XVIII в. по японской лексике, составленный Андреем Татариновым в Иркутске¹.

На титульном листе составитель называет свой труд Лексиконом.

На верхнем поле второго листа написано по-французски: «prés à la conference 24 October 1782».

В протоколах заседаний конференции Российской Императорской Академии наук, хранящихся в Архиве АН СССР в Ленинграде², имеется запись о том, что иркутским губернатором генерал-майором Францем Николаевичем Кличка был представлен на рассмотрение конференции Японский словарь ученика Андрея Татаринова и другие документы.

Конференцией на заседании 24 октября 1782 г. было постановлено все представленное хранить в Архиве конференции.

Таким образом, этой записью устанавливается имя составителя указанного словаря, на титульном листе которого имеется только монограмма АТ, а также датировка словаря. Если словарь поступил на рассмотрение конференции Академии наук 24 октября 1782 г., то составлен он был уж никак не позже этого года. Раскрывается также и то, каким образом попал этот словарь в Академию наук, откуда поступил в открытый в 1818 г. Азиатский музей, а затем — в Архив востоковедов Института востоковедения АН СССР.

Словарь — один из письменных документов, оставшихся от деятельности Иркутской школы японского языка. Школа эта была продолжателем Петербургской школы, открытой в 1736 г. при Сенатской конторе и переведенной в 1754 г. в Иркутск. В Иркутске школа была помещена вместе с «Навигацкой школой» и находилась в ведении начальника последней. В 1754 г. была открыта еще одна школа японского языка в Якутске, переведенная затем в Илимск. В 1761 г. Илимская школа была также переведена в Иркутск и объединена со школой японского языка при «Навигацкой школе».

При Екатерине II с 1762 г. связи с японцами расширились благодаря плаваниям русских купцов и моряков к Курильским островам. Японское сёгунское правительство в связи с тем, что голландцы обратили его внимание на значение русских, распорядилось об исследовании Курильских островов и Сахалина, а также о переводе с голландского языка сведений по истории, географии, военному искусству России.

В русской дореволюционной и советской литературе, а также в японской литературе имеются сведения о пребывании в России японских моряков (суда которых были занесены морским течением к Алеутским островам в 1783 и 1793 гг.), возвращенных в Японию экспедицией Адама Лаксмана и посольством Н. Резанова.

Однако нет никаких сведений о японцах, судно которых было принесено морским течением еще 16 мая 1745 г. к пятому из Курильских островов, на котором японцы были найдены и спасены русскими. Судьба этих японцев была связана с переводом школы японского языка из С.-Петербурга в Иркутск для преподавания в Иркутске японского языка, а следствием их преподавания было то, что, по свидетельству возвратившихся на родину японцев на допросе у сёгуна, в России хорошо знали о Японии; в конце XVIII в. уже были книги о Японии и карты Японии на русском языке.

Лексикон свидетельствует о том, что еще в XVIII в. в России изучался японский язык и даже был составлен русско-японский словарь, в котором впервые была разработана русская транскрипция не только отдельных японских слогов алфавита Ироха, но и японских слов.

Об Иркутской школе Бартольд писал, что «за все это время она не подготовила никаких знатоков японского языка и не оставила никаких следов в истории русского востоковедения»³.

Из перечисленных в протоколе конференции Академии наук от 24 октября 1782 г. документов видно, что это было далеко не так. Прежде всего исключительный интерес представляет «Описание Курильских островов», составленное секунд-майором Михаилом Татариновым, напечатанное в «Месяцеслове» за 1785 г., а затем вошедшее в собрание сочинений, выбранных из «Месяцеслова»⁴. Сама рукопись «Описания» хранится в Архиве Академии наук СССР⁵.

Согласно имеющимся документам, Михаил Татаринов, секунд-майор, жил в Иркутске, на Курильских островах не был, а суммарно изложил все сведения о них, почерпнутые им из записей следующих лиц: сотника-казначея Ивана Черных, который плавал на Курильские острова в 1767 и 1776 гг. для сбора ясака; унтер-офицера Ивана Очерединого, знавшего японский язык, который 10 сентября 1777 г. был отправлен на Куриль из Охотска на купеческом судне «Святая Наталья»; в 1778 г. Очерединый был на острове Мацумаэ (Хоккайдо) на трех байдарках, имея при себе 33 человека команды; сибирского дворянина Ивана Антипина, переводчика японского языка, который в 1779 г. снова побывал на Хоккайдо на семи байдарках, имея 45 человек команды. Оба они были в одном и том же месте: 40°20' с. ш. и 2°30' з. д., считая от Охотска. Живущие на Мацумаэ японцы с Очерединым и Антипиным обходились ласково и «россиянам во всем чинили вспоможение»; при взаимных посещениях дарили друг другу подарки⁶.

Эти сведения свидетельствуют о дружественных отношениях между русскими и японцами в 70–80-х годах XVIII в., о посещениях русскими острова Хоккайдо, о чем нет сведений в литературе, и о том, что в России уже в те времена были подготовленные переводчики, владевшие японским языком. Готовила же их Иркутская школа, просуществовавшая до 1816 г.

В дополнение к «Описанию Курильских островов» М. Татариновым сообщаются также интересные сведения о японцах, находившихся в Иркутске в 40-х годах XVIII в. В особой записке «О знании японцев, которые находятся ныне в городе Иркутске»⁷ сообщается следующее: японское судно «Тана-мару», принадлежавшее купцу Токбе, груженное разными товарами, в основном съестными припасами, с экипажем 17 человек 24 ноября 1744 г. отправилось в столицу Японии г. Эдо. По пути судно попало в шторм, сломавший мачту и руль судна. Потеряв управление, судно долгое время носилось по волнам по воле ветра и течений. 13 апреля 1745 г. экипаж, покинув судно, пытался добраться до какого-нибудь берега в лодке, имевшейся на судне. 16 мая 1745 г. лодку прибило к пятому из Курильских островов. 18 мая потерпевшие бедствие японцы были найдены русскими и отправлены в Большерецкий острог на Камчатке. Японцев к этому времени осталось в живых только десять. Они были представлены камчатскому командиру Лебедеву, который их «содержал добропорядочно».

В 1746 г. пять японцев из Большерецка были направлены в Петер-

бург, где обучались в семинарии русскому языку. Двое из них умерли, а оставшиеся трое в 1753 г. были отправлены в Иркутск. Из оставшихся в Большерецке пяти японцев один умер, четверо были отправлены в 1747 г. в Якутск, откуда были переведены в Иркутск, куда и прибыли 30 июля 1755 г.

Сведения об этих японцах М. Татаринов заключает следующим сообщением: «В бытность оных японцев в Иркутске обучают японскому разговору некоторых учеников. Некоторые по-японски разговаривать, также писать и переводить умеют».

Лексикон Андрея Татаринова представляет большой интерес как первый в России лексикографический опыт перевода на японский язык.

О составителе его нам ничего неизвестно, кроме того, что он ученик, а ученик, безусловно, Иркутской школы изучения японского языка при «Навигацкой школе», о чем свидетельствует подбор лексики в словаре. Лексикон очень невелик по объему, рукопись состоит всего из 51 листа, или 102 страниц. Тем не менее этот краткий словарь является законченным. Он расположен в порядке русского алфавита и охватывает все буквы от *А* до *Я* включительно.

Словник Лексикона содержит 977 слов; японских слов перевода с русского несколько меньше, так как некоторые русские слова остались без перевода. Но, если прибавить еще названия чисел, счет месяцам и дням и вспомогательные счетные слова, добавленные к словарю в виде приложения, тогда окажется, что словарь охватывает свыше тысячи слов.

Японский текст Лексикона, написанный знаками хираганы, не имеет, как это было принято в Токугавской Японии, знаков озвончения согласных, по японской терминологии — «замутнения» (нигори), за исключением очень редких случаев.

Лексикон А. Татаринова интересен не только для русских японоведов, но и для японских диалектологов с точки зрения японской исторической диалектологии, так как является наиболее старой записью в русской транскрипции фонетических особенностей группы диалектов Тохоку.

Диалекты северо-восточной части острова Хонсю, т. е. диалекты Тохоку, охватывают территории шести современных префектур: Аомори, Акита, Ямагата, Иватэ, Фукусима, Мияги. Эти диалекты объединяются общими фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями, отличающими их как от общенационального японского языка, так и от диалектов других районов Японии.

А. Татаринов не был ни лингвистом, ни диалектологом и не имел, конечно, намерения фиксировать в Лексиконе диалектные особенности Тохоку. Японцы — преподаватели школы, заброшенные морским течением на Курилы и спасенные русскими, были уроженцами северо-востока Японии и обучали учеников школы своему родному говору, естественно считая его общепонским языком, а не местным диалектом. А. Татаринов обладал тонким слухом и очень точно, насколько это позволяла транскрипция, русской графикой передал особенности произношения своих учителей. Подробное освещение их сделано во введении к подготавливаемому к печати факсимильному изданию Лексикона, поэтому в докладе мы остановимся только на самом основном.

В транскрипции Лексикона отмечены:

1) конвергенция звуков *i* и *e* в одном звуке *i*. Примеры: *омай*

(おまい), лит. *омаэ* — 'Вы'; *кинква шимас* (きんくわします), лит. *кэнка симасу* 'дерусь', ('сеорюсь'); *сагие* (さげ) — 'рисовая водка' и др.;

2) наличие среднеязычного *й* вместо общепонского *и* после передних согласных *s, c, z, f*, что отмечено в русской транскрипции буквой «Й»: *цызы* (つち), лит. *цубэн* — 'переводчик'; *карасы* (からす), лит. *карасу* — 'ворона'; а также смешением при транскрипции слогов *fi* и *fu* — *фуру* (ふる) — 'лук'; лит. *хиру*.

3) назализация гласных перед звонкими, соответствующими токпийским звонким согласным, в транскрипции Лексикона отмечена вставлением букв *М* или *Н*: *тэмбукуро* (てむぶぐろ), лит. *тэбукуро* — 'рукавица'; *биндоро* (ひんとろ) — португальск. *vitro* — 'стекло';

4) озвончение согласных *k, t, é* в интервокальной позиции и отсутствие этого озвончения перед редуцируемыми гласными, например: *фодоге*, лит. *хотокэ* — 'бог' (Будда); *миджи* (みち), *мити* — 'дорога'; *тефги*, *тэфуки* — 'салфетка';

5) наличие губно-зубного *f*, перешедшего в общепонском литературном языке в *h*; слоги は, ひ, ふ, へ, ほ транскрибируются в Лексиконе фа, фи, фу, фе, фо;

6) наличие дорсальных *ś, é, ǣ, ǣ* не только в положении перед *i*, но и перед *e*, в транскрипции Лексикона *шешезу* (せせす), лит. *сайсай* — 'часто'; *шеги* (せき) — 'ручей' (диалектизм); *дженъканъжо ширувто* (せんかんちやりしるひと) — 'счетчик';

7) устойчивость лабиализованных заднеязычных *k^w, g^w* как в заимствованиях из китайского, так и в исконно японских словах, примеры: *окидайгван* (をきたいくわろ) — 'градодержавец', 'градоначальник'; *квужи* (くち) — 'рот'; *квуси* (くし) — 'гребень'.

Ряд других менее характерных, но отраженных в транскрипции Лексикона фонетических особенностей диалектов Тохоку свидетельствует о том, что русская транскрипция японских слов А. Татаринова, принятая им в словаре, с исключительной полнотой передает фонетические особенности говоров Тохоку XVIII в.

Из грамматических особенностей диалектов Тохоку, представленных в Лексиконе, следует отметить:

1) наличие своеобразной повелительной формы глаголов: *нусубасьшаре* — 'воруй'; *агесашаре* — 'подыми';

2) отсутствие грамматических показателей именительного и винительного падежей;

3) особый суффикс падежа направления вместо общепринятого суффикса *へ (e)* — *さ (sa)*, оформляющий также и дательный места.

Совершенно закономерно, что в Лексиконе трудно было отразить другие грамматические особенности диалектов Тохоку, ибо лексика в большинстве представлена в номинативной форме.

Подбор слов в Лексиконе А. Татаринова свидетельствует о том, где и кем составлялся Лексикон. В словаре много сибирских диалектизмов, которых, конечно, не было бы, если бы словарь составлялся в С.-Петербурге или Москве. Такие слова, как *беглый* (сбежавший с каторги), *зверует* (занимается охотой на пушного зверя), *зимовье*, *запан* (передник), *заплот* (забор), *кадь*, *ленок* (род рыбы, водящейся в сибирских реках), *лопоть* (одежда), *лавка* (скамейка), *лапасть* (ступня), *омуль* (рыба, водящаяся в Байкале), *поскотина* (загородка, защищающая поля от потрав скотом), *тамарь* (стрела с костяным наконечником), *фанза*, *цыганить*, *черепан* (горшечник) и многие другие, являются сибирскими диалектизмами, свидетельствующими о месте составления словаря, даже ес-

ли бы таковое не было известно из протокола конференции Академии наук.

Наличие в словнике «Лексикона» специфической морской лексики, как *буер*, *бот*, *вязать узел*, *елбот* (вельбот), *ворот*, *ванты*, *гавань*, *галиот*, *кит*, *котик морской*, *кот морской*, *компас*, *корабль*, *мачта*, *руль*, *канат*, *канал*, *лодка*, *матрос*, *море*, *морской берег*, *морское пристанище*, *мореход*, *штурман*, *норд*, *ост*, *ослоп* (стяг), *рапорт*, *раковина*, *рыбная снасть*, *рыбак*, *смола*, *смолить*, *судно*, *туман*, *якорь* и др., свидетельствует не только о том, что А. Татаринов был учеником школы, находившейся при «Навигацкой школе», но также и о том, что словарь предназначался для живого контакта с японскими моряками и японцами, приезжавшими для торговли на Курильские острова, а также с японцами, жившими на Хоккайдо, в основном рыбаками, морепромышленниками или торговцами.

Словарь составлен на основе живой разговорной бытовой лексики, поэтому в нем широко дана диалектная лексика Тохоку, которая и представляет главный интерес для исследователей.

В нем также зафиксированы некоторые айньские слова, бытовавшие в словарном составе жителей Тохоку, имевших постоянный контакт с айньским населением. Такие слова, как *магири* (マキリ) — 'ножик'; *кицу* (キツ) — 'корыто'; *язи* (ヤチ) — 'болото'; *язи* (ヤチ) — 'колодезь' и ряд других.

Работа над составлением переводного русско-японского словаря имела большое значение, так как подбор русских синонимов к японским словам приводил к необходимости раскрывать значение и смысловые оттенки русских слов применительно к японскому языку. Нельзя требовать от ученика школы японского языка в Иркутске А. Татаринова, чтобы он безупречно справился с такой трудной задачей. В «Лексиконе» имеется ряд ошибочно переведенных или переведенных неточно, неправильно осмысленных и неправильно усвоенных японских слов. В словаре отражены характерные особенности провинциально-дворянского просторечия такой отдаленной окраины, как Сибирь. Лексика словаря отличается некоторым налетом книжности, изысканными формами обращения и одновременно с этим — жаргонным словоупотреблением. Следует отметить, что А. Татаринов совершенно исключил из своего «Лексикона» какие бы то ни было бранные слова или вульгарные названия частей тела человека или органов его.

Кроме того, в «Лексиконе» почти нет никакой военной терминологии, совершенно необходимой, если бы русские имели какие-либо враждебные намерения в отношении Японии; напротив, лексика в нем носит мирный, дружелюбный характер. В особенности это заметно по очень краткому разговорнику, приложенному к словарю. Кроме приветственных фраз при первом знакомстве с японцем, в разговорнике имеются такие фразы: «Война будет вредна. Мир есть Вам благоприятный». Это свидетельствует о том, что русские вопреки предупреждениям голландцев считали необходимым при сношениях с японцами с первых же слов при личном контакте уметь сказать о своем дружелюбии.

Лексика — та сфера языка, которая непосредственно соприкасается с миром реальных вещей и понятий и в силу этого является достоверным историческим свидетелем, а поэтому «Лексикон» А. Татаринова представляет ценный документ для изучения наследия русского японоведения и освещения начального периода истории русско-японских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андрей Татаринов, *Лексикон российско-японский*, 1782, Архив востоковедов, разряд 1, опись 4, ед. хр. 15 /1045.

² *Протоколы конференции Императорской Академии Наук за 1711—1785 гг.*, т. III, стр. 629.

³ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911, стр. 177.

⁴ *Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы*. Часть VI, в С.-Петербурге 1790 г., изданием Академии Наук, стр. 63—103.

⁵ *Фонд Миллера № 21*, опись 5, № 60, листы 85—100.

⁶ *Указанное собрание сочинений*, глава «О свиданиях японцев с россиянами», стр. 99.

⁷ *Фонд Миллера, № 21*, опись 5, № 60, листы 100—102.